Автор: admin
19.09.2010 14:36 -

О поездке

Самая яркая по впечатлениям поездка-путешествие случилась со мной в детстве, и до сих пор те впечатления не смогли затмить все иные мои туристические маршруты.

Мне было одиннадцать лет, мы отдыхали в Евпатории и в один прекрасный день поехали на экскурсию в Севастополь. Ходили по городу, я впитывал его в себя, а на обратном пути сломался автобус. Помню, он был желтым. И вот намертво встали под палящим южным солнцем на дороге между виноградным и маковым полями. Полный автобус людей: дети с родителями, подростки, молодежь, все под впечатлением от только что посещенного прекрасного города, накупившие там сувениров себе и родственникам. Надо заметить, что большинство были москвичи, не привыкшие к подобному южному колориту, и перво-наперво все высыпали смотреть, что же случилось. Потом кто-то пошел справлять нужду в виноградники, а кто-то осматривать окрестности. Дети так были просто счастливы! Бегали среди маков, собирали букеты, радовались новому. А поля простирались далеко за горизонт, и ширь их была необъятна. Потом, удовлетворив первичное любопытство, большинство потянулось обратно в автобус. И мы стали ждать. А я тем временем наблюдал за людьми – кто как воспринимает сложившуюся ситуацию. А воспринимали все по-разному: кто-то возмущался и негодовал, кто-то устал и был не в силах пошевелиться от жары, кто-то читал либо занимался другими своими какими-то делами, кто-то изучал окрестности, кто-то, как и я, восторгался ситуации и откровенно пёрся от нее, кто-то боялся не успеть к ужину, кто-то переживал за родственников, оставшихся в санатории, которые будут волноваться от неизвестности, почему же так долго не возвращаются их близкие, ведь мобильников тогда не было и в помине, а кто-то предлагал конкретные шаги по решению ситуации. Некоторые из мужчин помогали водителю починить двигатель. Так мы простояли несколько часов. День клонился к вечеру. На закате за нами приехал вызванный на подмогу автобус. Не успели проехать и пары километров, как снова встали – уже на новом автобусе! Ну, тут половина начали ржать, а половина исходить ядом от бешенства. В этом автобусе, который на время стал нашим убежищем, мы встретили ночь. О, эта незабываемая южная ночь! Кто-то спал, поудобнее устроившись в креслах, а я лежал головой на коленях у матери и смотрел в окно на звезды. Я пожирал взглядом небо, стараясь впитать в себя его всё, без остатка, слиться с ним в едином ритме, в едином танце бытия, отпечатать в памяти этот момент навечно, опрокинуться в это небо и стать одной из тысяч ярко мерцающих звезд, огромных, как спелое яблоко. Нигде и никогда больше не видел я таких звезд! Ими было усыпано все обозримое пространство небосвода. Вот как в восточных сказках говорят, как будто кто-то набросил на небо темное покрывало, расшитое звездами… И это было! Такие близкие, такие огромные, такие переливающиеся молочно-серебряным блеском – протягивай руку и бери, собирай их с неба в карманы, как рассыпавшиеся осколки вечности… Мне хотелось плакать от счастья, от единения с миром, оттого, что это есть, и я в нем, оттого, что космос проникает в меня, а я проникаю в него. Оттого, что это только для меня, потому что всем остальным наплевать и важнее поспать…

Потом за нами приехал другой автобус, на котором мы и доехали беспрепятственно до санатория к двум часам ночи. А мне не хотелось уезжать, хотелось остаться там, со звездами… а потом там же встречать рассвет. Острое огорчение настигло меня, когда исправный автобус все же приехал за нами, застрявшими в ночи на краю Вселенной. Слава Богу, что это было в моей жизни, что это прожито, прочувствовано и сохранено.

О впечатлениях детства

Мне было лет 7-8, когда мы с отцом вдвоем поехали в дом отдыха на Волге. Даже и не знаю, как это мать и бабушка отважились отпустить меня с ним, ведь на него, как они говорили, надежды нет никакой и доверить ему ребенка нельзя. Но все же мы поехали. Воспоминания о тех двух неделях у меня весьма отрывочны, но Яночку я помню и буду помнить. Он был сыном женщины, с которой отец подружился там, хотя, возможно, они были знакомы и раньше. Я помню, как поразился его красоте, впервые его увидев. Ну что я тогда мог понимать, в семь-то лет?! Но то ощущение перехватывающего дыхание восторга я помню по сей день. Он был на два года старше, он был стройный, на полголовы выше меня, в неизменной своей черной водолазке, которая выгодно подчеркивала его фигуру, его изящность, его гибкость – с высоты прожитых лет я могу оценить, что у него было строение танцора; его черные волосы всегда были эффектно растрепаны, но была в этом не небрежность, а элегантность, у него были тонкие черты лица и очень красивые глаза. Кажется, при знакомстве с ним я даже забыл стесняться, настолько я был захвачен любованием невероятно прекрасным и как будто даже неземным существом. Этот типаж на всю жизнь стал для меня приоритетным – и не важно, мужчина это или женщина – при встрече подобного я теряю способность мыслить, дышать, говорить и оборачиваюсь целиком и полностью в благоговейное созерцание. Этого очень красивого мальчика звали Ян. Да, и имя у него тоже было красивое – редкое, необычное, на мягких тонах. Мы подружились. Отец не был озабочен удушающей заботой обо мне, призванной спеленать по рукам и ногам, лишь бы ничего не случилось, которую всю жизнь впихивали мне в глотку мать с бабушкой, поэтому не отказывал себе в удовольствии прогуляться в лес в компании взрослых, оставляя мешающих детей, то есть меня, в компании других детей, то есть Яночки и его четырехлетней сестры, заниматься своими детскими делами. И я был счастлив тому, что меня наконец-то никто не караулит, что меня считают способным несколько часов провести без надзора взрослых, не сломав себе при этом шею, что мне доверяют, в конце концов! Да, охранять меня поручали Яну, как старшему, но ведь это совсем другое дело, я восхищался им, к тому же я всегда мечтал иметь старшего брата, которого у меня никогда не было. Помню, мы лежали на расстеленном на траве покрывале, в убежище из кустов какой-то ягоды, что-то вроде шиповника, которую мы срывали и ели – могли себе это позволить, да, ведь мы же были такими взрослыми и самостоятельными – с нами была и его сестра, которую я, правда, почти не замечал, потому что все мое внимание было сконцентрировано на Яне и только на нем. Я даже не помню, о чем мы говорили, а ведь мы говорили с ним и много, о разном. Мне было очень интересно с ним, он был очень умным мальчиком, очень воспитанным, интеллигентным, добрым и глубоким для своих лет, при этом он совершенно не был ботаником или что-то вроде того. Я всегда мечтал встретить такого человека, с которым мне было бы интересно разговаривать, который понимал бы меня, а я понимал его… все мои

ровесники, с которыми я общался до и после него, казались мне немного ограниченными, не задумывающимися о вечном, не желающими заглянуть в суть вещей, в суть происходящих процессов мироздания, они жили моментом, своими детскими играми, в некоторые из которых играть мне было просто скучно, а в мои игры, а я очень любил ролевые по любимым фильмам и книгам, было неинтересно играть им – они были обычными детьми, я же всегда чувствовал себя немного вне, витал в иных измерениях, в своих мечтах, воспоминаниях, представлениях… поэтому мне всегда было трудно вписаться в коллектив одногодок, слишком разнилось наше восприятие окружающей реальности. И вот я встретил человека, по сути такого же ребенка, как и я, в котором воплотились все мои мечты! Я не мог насытиться им, мне хотелось впитывать его бесконечно, проводить с ним как можно больше времени, потому что я знал, что это счастье гармонии рано или поздно кончится – закончится путевка и всё, я никогда его больше не увижу…

Ближе к концу нашего отдыха взрослые решили устроить прощальный ужин при костре с песнями под гитару. Мы, дети, опять оказались предоставлены сами себе. На территории дома отдыха стояло полуразвалившееся здание, официально находившееся на ремонте, на деле же ремонт был начат, но приостановлен на неустановленный срок. И вот мы с Янкой и другие дети решили доставить себе удовольствие напоследок и наконец-то исследовать это здание. И мы полезли туда, рассматривали кирпичи, доски, осторожно обходили трещины в полу второго этажа, стараясь не провалиться вниз. Воображали себя этакими сталкерами, исследователями старинных руин заброшенного замка. И каково же было счастье ощущать эту свободу, знать, что в этот момент ты можешь все, что за тобой никто не следит, никто не наблюдает за каждым твоим движением, что никто не прибежит с диким криком и не будет снимать тебя с этих развалин, лишая радости познания, что взрослые заняты своими развлечениями и им нет до тебя дела, что они хотя бы на сегодня доверили тебе право быть самостоятельным и самому отвечать за собственные действия. Я растворялся в этом вечере, в окружающей обстановке, в потертых временем кирпичах, в нашем детском восторге от соприкосновения с таинственным, в Янке, который был рядом и который, я знаю, чувствовал то же, что и я, в звуках веселья, доносящихся снизу, от костра… Я хотел продлить этот вечер как можно дольше, растянуть его во времени, чтобы запечатлеть его врезанным в память переплетением чувств, эмоций и наполненности своей особой энергетикой и смыслом каждого отдельно взятого мгновения. А потом мы до самой ночи бегали вдоль Волги, не ограниченные, не спеленутые, объединенные эмоциональной насыщенностью момента – и это была квинтэссенция счастья. Вот этого незамысловатого детского счастья, когда всего-то и надо, что почувствовать вкус свободы, пропустить его через себя и прочувствовать его всем своим естеством. Чтобы помнить о том, как это бывает. Ведь не для всех в детстве эти мгновения бывают долгими… Вот и для меня они закончились с приездом в Москву, где меня ждали забота и опека – со всеми отсюда вытекающими… А с Яночкой мы так никогда больше и не встречались, он остался для меня прекрасным принцем в черном одеянии…

О ярком событии

Это было в сентябре 1998 года. Стояло бабье лето. Тогда случилось нечто важное, что

неудержимо требовало творческого выхода, выплеска переполнявших эмоций. И этим выходом стала музыка. Мы с моей лучшей подругой ходили по кварталу в обнимку с моим магнитофоном, что на полной громкости транслировал окружающим нашу любимую музыку. Тогда мне хотелось осчастливить ею всех вокруг, поделиться через нее бушевавшими во мне эмоциями. Это продолжалось несколько дней. После школы, после моих занятий по барабану я одевал бархатную оранжевую рубашку под стать моему настроению, брал магнитофон под мышку, и мы выходили на улицу. И часами ходили вокруг пруда (это центральное и любимое место прогулок для жителей нашего квартала). Время, эмоции, музыка, все окружающее тогда слилось для меня воедино. Не знаю, понимала ли это подруга, но тогда я полностью растворился во всем этом, на несколько часов я как будто сам становился этой музыкой, я жил в ней. Я знал, что если не будет хватать хотя бы одной детальки в этом паззле, счастье от наполненности и цельности данного этапа, этих мгновений, перестанет захлестывать меня, и я взгляну на случившееся с другой стороны – со стороны печали. И это разрушит меня. Я знал, что надо пробыть в этом состоянии эйфории хотя бы около недели, чтобы очиститься внутренне и преобразовать чувства в положительную энергию. И вот это балансирование на грани наполняло те дни особым смыслом. Чем острее я осознавал случившееся, тем больше я растворялся в текущем моменте и наполнявших его положительных эмоциях, тем охотнее и осознаннее выбрасывал себя в счастье, становился им и ретранслировал его окружающим. Кто-то просил нас поставить их любимые песни, мы с удовольствием ставили, если они у нас были. Мне хотелось вовлечь в это действо как можно больше людей, вызвать у них чувство сопричастности и самому напитаться от них положительной энергетикой. Подруга тогда как раз недавно приехала из деревни, где провела лето, привезла с собой музыку, которую они слушали там, и впечатления, с этой музыкой связанные. И вместе с мейнстримом того времени мы осчастливливали квартал Синей Птицей и Санта Эсмеральдой. Те дни для меня насквозь пропитаны бездонным голубым небом, оранжевым цветом и звуками. Ощущения и чувства, что я испытывал тогда, невербализуемы в слова. Тогда у меня не было кожи, не было оболочки, я воспринимал окружающую реальность на одних лишь эмоционально-энергетических волнах. И то чувство безумного, всеобъемлющего счастья, граничащего с истерикой и грозящего сползти в нее при ином наборе всех участвовавших компонентов – символ того времени для меня. Оно оказалось одним из счастливейших в моей жизни. И каждый сентябрь теперь – особый месяц для меня. Но все бы могло сложиться по-другому, если бы не было этой недели с музыкой…

О цивилизации

Каждая цивилизация за свой жизненный цикл проходит несколько стадий: рождение, развитие, наивысшая точка научно-технического, культурного и духовно-нравственного развития, упадок, умирание. Развитие цивилизаций имеет свойство цикличности и спиралевидности, когда каждая последующая так или иначе, пусть только в нескольких ключевых моментах, но повторяет опыт предыдущей. Как известно, наша цивилизация является пятой по счету за всю геологическую историю Земли – предшествовали нам атланты, гиперборей, лемурийцы и ангелоподобная раса. Мы не единственные, мы не первые и мы, конечно же, не последние. После нас придут новые цивилизации, мы видоизменимся и с течением времени эволюционируем в наших потомков, которые

сквозь тьму тысячелетий будут изучать нас, наши вехи истории, будут пытаться понять нас, идентифицировать и осознать наши ценности, наш способ мышления, чувствования, восприятия пространства и времени.

Человечество сейчас находится в стадии развития. Зарождение нашей цивилизации началось по научной версии с австралопитеков, неандертальцев, палок-копалок и вперед по пути истории в наши двухтысячные годы – через Древний Египет, Древний Рим, Византию, Средневековье, крестовые походы, эпоху Возрождения, многочисленные войны с переделом государственных границ, через рождение и умирание наций, сверхдержав, стран, городов, великих правителей, полководцев, ученых мужей, выдающихся мистиков, людей искусства, рыцарей, рабов, крестьян, солдат, прачек… Все они превратились в пыль веков, все они остались там, в своем времени, до нас дошли лишь отголоски их жизней, таких непохожих одна на другую, а о большинстве не дошло и отголосков. Стоит ли наша цивилизация на пороге перехода в следующую стадию своего жизненного цикла? Это мы поймем после 21 декабря 2012 года. Скорее всего, этот переход неизбежен в ближайшие годы. Научный прогресс с каждым днем прогрессирует, развивается и совершенствуется – нам уже под силу моделировать Большой Взрыв и наблюдать рождение галактик в первозданном виде, в течение ближайших ста лет мы сможем непосредственно осваивать космос в пределах как минимум нашей галактики, а далее – галактик соседних и совсем уже отдаленных. Кто знает, что встретим мы там? Кто знает, откуда впервые взялась жизнь на Земле? Та самая первая цивилизация? Не завезена ли она к нам с другого конца Вселенной? Не завозилась ли она оттуда всякий последующий раз? А может быть мы смоделированы так же, как мы моделируем Большой Взрыв в андронном колайдере? И все окружающее нас, рождение и умирание цивилизаций и мы со своими чувствами и переживаниями – не более чем работа сверхсложной компьютерной программы, созданной надразумом, задающей и реально существующей вне нашего матричного мира пра-цивилизацией?.. А интернет, родной и близкий каждому цивилизованному жителю современности? Могли ли представить древние египтяне саму возможность существования подобной технологии? Хотя египтяне-то как раз, может, и могли, ведь великие египетские пирамиды построены не без участия технологий, намного опережающих современные по научно-техническому уровню… И чьи технологии это были – предшествующей цивилизации или завезенные из космоса? И не улетели ли наши предки туда, откуда, возможно, в свое время явились на Землю? Куда, возможно, улетим и мы, такие же гости из иных миров…

За развитием научно-технического прогресса следует и расширение представлений обывателей о границах допустимого в плане морально-этических норм. Цивилизация, находящаяся на пике своего развития, не судит о других по себе, не заинтересована в разделе и переделе собственности, не налагает моральные запреты на то, что испокон веков считалось неэтичным, без попытки разобраться в сути явления, не эгоистична, и думает прежде всего о благе и будущем цивилизации в целом, как единого организма, а также о сохранении целостности общепланетарных процессов и процессов вселенского масштаба. Цивилизация, находящаяся на пике своего развития, не испытывает потребности в войнах и применении различного рода насилия как минимум в масштабах внутрицивилизационных.

Однако, цивилизация может погибнуть и в период своего расцвета, не дожидаясь перехода в стадию упадка. Никто не застрахован от внезапных глобальных природных катаклизмов и вторжения извне. Тем более что в эпоху так называемого Золотого Века за отсутствием потребности в войнах цивилизация сокращает наращивание мощи вооружения, оставляя лишь общепланетарную защиту от вторжения чужой цивилизации, не достигшей пика развития либо уже вошедшей в стадию упадка. За долгие тысячелетия мирного существования люди забывают о том, что такое война, нападение, тирания, а передовые сверхтехнологии и способность управлять общемировыми процессами, физическими, биологическими, психическими и иными законами не всегда способны противостоять слепой агрессии захватчиков.

После эпохи расцвета начинается спад, период которого, как правило, недолговечен и быстро приводит к гибели цивилизации. И если в период поступательного развития морально-этические нормы и ценности подтягиваются следом за развитием науки и техники, то в период регресса первыми начинают видоизменяться именно морально-этические ценности. Что служит этому катализатором? В приближении это может быть, к примеру, взаимодействие с цивилизацией иного уровня и иными ценностями, как и появление анти-мессии, в масштабе же так проявляется сама цикличность времен и, видимо, непостоянство человеческой природы, стремление к изменениям, к испробованию нового и забытого старого. Возвращаются понятия частной собственности, личных эгоистических интересов, на базе чего развиваются пороки этапа становления, развития цивилизации, но в видоизмененном свете нового времени. Возвращается потребность отстаивать свои права, возвращается способность к насилию и войнам. И чем стремительнее будет регресс, тем быстрее наступит гибель цивилизации, так как знания эпохи Золотого Века еще не забыты. Сверхтехнологии вновь начинают работать на военизирование, изобретаются новые сверхмощные виды оружия. И, в конце концов, цивилизация либо уничтожает сама себя, либо вступает в войну с чужой цивилизацией и гибнет.

Далее бытие переходит на новый виток спирали, и все повторяется вновь – цикл за циклом. Новая цивилизация развивается либо с нуля (из протоплазмы или другим образом), либо из горстки уцелевших после уничтожения, либо завозится извне. Если умирание цивилизации было медленным, разлагающимся изнутри, то возможен вариант, что люди деградировали до уровня тех же австралопитеков, и в таком случае им все придется начинать заново. Без фактического умирания они за тысячелетия трансформируются в новую цивилизацию – с иными ценностями, иными технологиями, иным способом мышления и восприятия и, вполне возможно, с иной физиологией и внешним обликом.

Так кто же придет после нас и кто был до нас? Совершенно другие существа или мы же, но трансформировавшиеся и видоизмененные? И есть ли она, эта связь времен, цикличность, преобразование и направленность вперед в развитии? Возможно, все мы есть одно и существуем одновременно, но наши времена не могут состыковаться, а постоянно накладываются друг на друга, скользят по граням реальностей, создавая эффект цикличности. Кто знает, может быть, все эти тайны, что так будоражат кровь искателей, - отголоски нашего уже свершившегося будущего. И когда-нибудь мы, наша

цивилизация, отыщет сама себя. Как по Брэдбери. Возможно, еще не раз нам предстоит начинать все с нуля, с палок-копалок, но когда-нибудь мы встретим сами себя, и всё сущее откроется нам - и отныне мы будем вечны. А обыватели пусть едят, спят, работают, проживают в никуда свои мелкие ничтожные жизни, ничего не значащие в масштабах вечности. В конце концов, каждый верит лишь в то, что может вписать в свою повседневную жизнь.

О мировоззрении

Мировоззрение определяет тот мир, в котором живет человек. Не секрет, что для всех нас он разный, хоть и живем мы, казалось бы, в одном пространстве-времени. Порой эти различия настолько разительны, что самые близкие люди, живущие под одной крышей, не могут не то что понять друг друга, но даже просто представить, как выглядит картина мира его ближнего. Возьмем несколько простых примеров: мировоззрение православного и эзотерика, блондинки с йоркширом под мышкой и байкера-металлиста, эрудированного интеллектуала и торговки с привокзального рынка, у которой муж сидит в тюрьме, весельчака и нытика в вечной депрессии. Каждый человек – это отдельно взятая планета, и взаимное принятие мировоззрений друг друга, различных взглядов на жизнь, отличающихся от собственных – залог успешного сосуществования и добропорядочных отношений.

Мое мировоззрение таково, что включает в себя представления о множественности реальностей и миров, о реинкарнации, о карме, о смерти как выходе на новый уровень бытия, о неограниченных возможностях человеческого организма и разума, о способности каждого, даже стоящего на самой низшей ступени развития, через череду воплощений слиться с энергией космоса, о связи времен и перетекании прошлого в будущее с возможностью обратного отсчета и путешествий по реке времени как мысленно, так и телесно (астрально и даже физически – как возможность изобретения в будущем машины времени, действие которой мы можем ощущать уже сейчас), о существовании инопланетного разума и возможности контакта с ним, о явлении паранормальных способностей как естественных, развить которые может каждый, о равноправии любых взглядов, точек зрения и жизненных позиций, не наносящих вреда окружающим, о недопустимости насилия в любом его проявлении, о восприятии мира через его красоту и гармонию, об уважительном отношении окружающих к себе и себя к окружающим, о праве каждого выбирать свой собственный жизненный путь, ни под кого не подстраиваясь и не стараясь оправдать чьи-то надежды без своего на то желания, о бессмысленности наращивания капитала только ради самого факта наращивания, о необязательности оседлого образа жизни с твердой почвой под ногами и крепким тылом за спиной, о приоритете чувствования над благосостоянием и заботой о пропитании, о стремлении к саморазвитию и самосовершенствованию, а не созданию традиционной семьи с традиционными ценностями, о равноправии и равных возможностях в отношениях (как дружеских, так и любовных), о возможности общения с ближним без слов, которые есть тлен, но через считывание его эмоционально-энергетического состояния и взаимообмен энергиями и эмоциями, о приоритете собственной свободы (я никому не принадлежу и никому ничем не обязан!), о стремлении связать свою жизнь лишь с тем человеком, в ком увижу собственное

отражение, и избегании завязывания отношений ради самих отношений и потому, что так принято, о талантливости и исключительности каждого человека, о торжестве справедливости. В таком вот аспекте.

Мои взгляды на жизнь действительно довольно широки, и я стараюсь по мере возможностей толерантно относиться к тем, кто смотрит на жизнь не так широко и в результате чего предъявляет мне какие-то претензии. Я с удовольствием объясняю заинтересованным, если они меня спрашивают, почему я думаю так и именно так, мне приятно помочь человеку взглянуть на вещи с другого ракурса, но продавливанию со стороны мое мировоззрение не поддается. Корректировки и обновления в нем происходят постоянно по мере узнавания нового и развития личности, но вот эти базовые вещи, что были названы, до сих пор были практически неизменны. Думаю, мало изменятся они и впредь.